
В. В. Востров, Г. Ф. Дахшлейгер, Х. Кауанова

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА

(К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА ССР)

До революции культуру, быт, традиции и обычаи казахского народа изучали такие выдающиеся ученые, как П. И. Рычков, В. И. Даль, Г. Н. Потанин, Н. А. Аристов, А. Е. Алекторов, Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, и др. Их творчество, проникнутое гуманистическими идеями и живым интересом к традициям и обычаям, к национальному своеобразию материальной и духовной жизни казахского народа, противостояло официальной, колониально-чиновничьим изысканиям и внесло существенный вклад в науку, а во многом сохранило свое значение и сегодня.

Однако этнография казахов до Великой Октябрьской социалистической революции в основе своей не выходила за рамки описания, была исторически ограничена, не могла объяснить происхождения и смысла многих важных социально-бытовых институтов, связанных с типом хозяйства и общественными отношениями. Некоторые же важные проблемы этнографии вообще не изучались.

Советская этнография восприняла все то лучшее, что было достигнуто до Октября. Она, несомненно, преемственно связана с дореволюционной демократической школой, но вместе с тем качественно отлична от нее прежде всего своей марксистско-ленинской методологией, кругом проблем и методикой их изучения, системой организации этнографической работы и ее целевыми установками.

С первых лет Советской власти этнографическая наука в Казахстане, как и везде в СССР, связала свои исследования с практикой социалистического строительства, с ленинской национальной политикой партии. Это обязывало этнографов не только описывать социально-бытовые институты и нормы, но и объяснять их. Там, где это было необходимо, этнографы стремились поддерживать прогрессивные национальные традиции и разъяснять вредную сущность отживших. Они содействовали возрождению и расцвету национальной культуры казахов на социалистической основе, развитию национального самосознания, а также развитию интернациональных связей.

Это были не простые задачи, и разрешить их оказалось нелегко. На первых порах сказывалась экономическая и культурная отсталость края, почти полное отсутствие местных квалифицированных кадров, очень сложная обстановка в республике. При переходе казахского народа от докапиталистических форм общественной организации к социализму резко обострилась классовая борьба. Этнографам приходилось сталкиваться с «родовыми» иллюзиями и предрассудками, с теориями «родового коммунизма» в казахском обществе, с идеализацией патриархально-феодальных форм и бая как благодетеля «рода». Вместе с тем следует сказать, что у этнографов бывали и некоторые крайности в оценках национального культурно-бытового наследия. Так, в отдельных трудах все элементы коллективизма и взаимопомощи казахской общины полностью отождествлялись с формами эксплуатации. Но это были издержки ро-

ста, процесса становления советской этнографии, постепенно и неуклонно преодолевавшиеся.

Казахстанские этнографы резко расширяли масштабы собирательской работы, накапливали конкретные материалы о традиционных формах материальной культуры.

Видный этнограф А. А. Диваев, исследователи А. Э. Шмидт, Ф. А. Филельструп и др. провели в начале 1920-х годов сбор данных по родо-племенному составу и расселению казахов южных и юго-восточных областей Казахстана, подготовили проекты этнических карт, учтенных при проведении национально-государственного размежевания Средней Азии и воссоединения казахских земель в Казахской АССР¹. Эта работа осуществлялась в соответствии с указаниями В. И. Ленина о составлении этнических карт Средней Азии и Казахстана.

Использовались все возможные образцы разрухи, тяжелых последствий неурожая джута в 1921 г. Этнографы-краеведы, учителя-энтузиасты участвовали в походе красного каравана (кзыл-керуен) КазЦИКа в 1922 г., руководимого известным партийным и государственным деятелем Казахстана А. Джангильдиным, в работе красных юрт (кзыл-отау), собирали коллекции этнографических материалов, которые и теперь экспонируются в музеях республики (К. И. Сатпаев, М. О. Ауэзов), проводили социологические обследования в аулах, работали статистиками во время проведения переписей 1920 и 1926 гг.

Тогда же началось собирание образцов устного поэтического и музыкального творчества казахского народа. Видный музыковед А. В. Затаевич в 1925 г. издал тексты и музыкальные записи полутора тысяч казахских песен. Это издание было высоко оценено наукой и получило международное признание². При добровольном «Обществе изучения Казахстана» и его филиалах, отделениях Русского географического общества, Академическом центре Наркомпроса, в Оренбурге и Ташкенте, при местных музеях не только накапливался, но и изучался богатейший этнографический материал³.

Стали сравнительно регулярно публиковаться статьи, содержащие этнографические материалы, были сделаны первые шаги в области казахской антропологии. Особое внимание уделялось борьбе с социально-бытовыми институтами, унижавшими достоинство женщины-казашки.

Формирование этнографической науки в Казахстане происходило при постоянной помощи этнографических центров Союза СССР: Комиссии

¹ А. А. Диваев, Этнографические материалы по казак-киргизам Туркестана. Описание этнографических материалов, собранных в Семиреченской области, «Наука и просвещение», 1922; № 1; его же, Материалы по казакведению. Описание этнографических материалов, собранных в Сыр-Дарьинской области, в кн.: «Год работы Казакского высшего педагогического института», Ташкент, 1928; И. И. Зарубин, Список народностей Туркестанского края, Л., 1925; М. Ф. Гаврилов, Этнографический обзор Туркестана, в кн.: «Очерки хозяйственной жизни Туркестана», Ташкент, 1921; А. Шмидт, Материалы по родовому составу казахского населения юго-западной части Чимкентского уезда, в кн.: «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927.

² А. В. Затаевич, 1000 песен киргизского народа. Напевы и мелодии, Оренбург, 1925; его же, 500 казахских песен и кюев (напевы и инструментальные пьесы), 1930.

³ А. П. Чулошников, Вопрос о происхождении киргиз-казакской народности в исторической науке и народные казакские предания, как источник дальнейшего его освещения, «Труды общества изучения Киргизского края», Оренбург, 1924, вып. 5; его же, Основные черты кочевого быта и общее экономическое состояние края с половины XV до начала XVIII в., там же; его же, Казак-киргизская кочевая община и ее внутреннее устройство с половины XV до начала XVIII в., там же; А. Л. Мелков, Материалы по киргизской этнографии, «Труды общества изучения Казахстана», Оренбург, 1922, вып. 3 и 1925, т. V, вып. 2; В. Г. Герасимов, Двадцатипятилетие Семипалатинского отдела Русского географического общества (1902—1927), Кзылорда, 1927; его же, Этнографическая работа Семипалатинского отдела РГО за период с 1917—1925 гг., «Этнография», 1926, № 1—2; см. также «Записки Семипалатинского отдела РГО», вып. XV и XVIII, 1925—1929, и др.

по изучению племенного состава в России (с 1930 г.— Институт по изучению народов СССР), Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР, гуманитарных учреждений Академии наук СССР⁴. Проблемами казахской этнографии занимались крупнейшие востоковеды — В. В. Бартольд, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович. В 1925—1927 гг. в Казахстане работали антрополого-этнографические отряды экспедиции АН СССР под руководством С. И. Руденко, Ф. А. Фиельструпа, А. Л. Мелкова⁵ (в ней участвовал тогда молодой казахский ученый, ныне академик А. Х. Маргулан). Материал, собранный ими по хозяйству, быту, декоративно-прикладному искусству, домашним промыслам и происхождению казахского народа, а также хозяйству и быту русского старожильческого населения Южного Алтая, поныне остается важным этнографическим источником.

Не менее эффективными были результаты проведенной в 1925 г. экспедиции Казахского обкома партии в Аулие-Атинском уезде (совр. Джамбулская область) под руководством У. Джандосова и В. Соколовского⁶. С большим успехом в 1923—1925 гг. прошли выставки казахского народного искусства в Москве, Ленинграде, Казани, Омске.

Процесс становления этнографической науки в Казахской ССР, как и во всей стране, происходил в условиях непримиримой борьбы с великодержавными, с одной стороны, и националистическими, с другой стороны, концепциями и взглядами. Сторонники первых пытались представить казахов неисторическим народом, не способным к историческому прогрессу и обреченным на извечную отсталость, а его традиции и обычаи — не заслуживающими изучения; сторонники вторых идеализировали прошлое, изображали его «золотым веком», приукрашивали пережиточные патриархально-феодальные институты, замалчивали факт социального неравенства и эксплуатации в казахском обществе. Сказались на казахской этнографии конца 1920 — начала 1930-х годов и дискуссии о теоретических основах этнографии, ее месте в системе общественных наук. При направляющем воздействии Коммунистической партии шовинистические и националистические концепции были идейно разгромлены, и советская этнографическая наука, в том числе ее казахстанская ветвь, прочно стала на позиции марксистско-ленинской методологии. Определились ее основные проблемы, было покончено с мифом о «родовом коммунизме» казахского народа и его «врастании» в социализм.

Состоявшиеся в начале 1930-х годов Всеказахстанские съезды краеведов и музееведов не просто подвели итоги сделанному, но и обратили внимание исследователей и общественности республики на необходимость всестороннего и систематического изучения культуры и быта казахского народа в связи с культурой и бытом других народов, упрочения контактов с этнографическими центрами Советского Союза. Этнографы стали группироваться при секторе истории Казахстанского филиала АН СССР, Казахском Государственном университете, Казахском научно-исследовательском институте национальной культуры (он впоследствии слился с филиалом АН СССР). С 1936 г. в Центральном государственном краеведческом музее Казахской ССР в Алма-Ате была создана постоянная экспозиция по материальной культуре казахов, периодически проводились выставки национального орнамента, продукции народных художественных промыслов и ремесел. Организовывались полевые этнографические отряды, которые фиксировали как остаточные, пережиточные явления в жизни народа, так и новые, связанные с социалистической

⁴ См. Е. А. Вознесенская, А. Б. Пиотровский, Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик, Л., 1927.

⁵ «Казаки» (АН СССР. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик), вып. 3, II, Л., 1927; «Казаки» (АН СССР. Материалы комисии экспедиционных исследований), вып. 15, Л., 1930.

⁶ В. Г. Соколовский, Казакский аул, Ташкент, 1926.

перестройкой производственной и общественной жизни. Была продолжена деятельность по собиранию образцов фольклора и музыкального творчества (А. Жубанов, Е. Г. Брусиловский, Б. Г. Ерзакович). Вся эта работа, как и раньше, велась местными этнографами в сотрудничестве с этнографами Москвы и Ленинграда (А. И. Булгаков, Ф. А. Султанов, П. А. Хохолко, О. А. Корбе, К. И. Задыхина)⁷, с Государственной Академией материальной культуры, Музеем антропологии и этнографии, Институтом антропологии и этнографии АН СССР (с 1937 г.— Институт этнографии АН СССР). В ней участвовали партийные и государственные работники Казахстана — С. Асфендиаров, Т. Рыскулов, Г. Тогжанов и др.

Материалы, накопленные и популяризируемые этнографами, использовались артелями, изготавливающими богато орнаментированные национальными узорами ковры, вышивки, керамику. Сюжеты, песни и музыкальные записи образцов народного творчества послужили основой для создания первых казахских опер «Кыз-Жибек», «Ер-Таргын».

В суровые годы Отечественной войны этнографическая работа в республике не прерывалась — продолжались фольклорные экспедиции Казахского филиала АН СССР и работа этнографических отрядов Центрального музея республики.

В 1946 г. после образования Академии наук Казахской ССР в Институте истории, археологии и этнографии, носящем имя Ч. Ч. Валиханова, был создан сектор этнографии (позднее отдел), который возглавил известный казахский этнограф Н. С. Сабитов. Этот отдел стал ведущим центром этнографических исследований в республике. Продолжая сбор материалов по культуре и быту казахов в прошлом, отдел вместе с тем вплотную занялся изучением изменений в жизни казахского сельского населения за годы Советской власти. Разработку этой новой тематики всемерно поддерживал Институт этнографии АН СССР. Экспедиции этнографов во второй половине 1940 — начале 1950-х годов охватили многие районы Восточного, Южного и Западного Казахстана. Отдельные экспедиции носили комплексный характер (их целью было исследование изменений как в материальной, так и в духовной культуре народа), и в них участвовали сотрудники Института этнографии АН СССР (Н. Н. Чебоксаров, О. А. Корбе, Е. И. Махова). На базе полевых материалов в сочетании с документальными, архивными источниками были подготовлены и увидели свет публикации по общественной жизни и семейному быту, особенностям типов хозяйства и орудий производства казахов⁸. Масштабы экспедиционных работ все расширялись и в 50-е годы охватили почти всю территорию республики. Усиливалась тенденция к специализации в отборе этнографических данных, их систематизация и классификация. Регулярным стал выпуск «Трудов» Института по

⁷ П. А. Хохолко, Научно-исследовательская работа в Казахстане по этнографии, фольклору и истории, «Сов. этнография», 1935, № 6; Ф. Сластихин, Социалистическая перестройка кочевого казахского аула, «Сов. этнография», 1933, № 1.

⁸ Н. С. Сабитов, Об итогах работы этнографической экспедиции 1946 г. Сектора этнографии, «Изв. АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4; его же; Некоторые итоги этнографического изучения восточных и юго-восточных областей Казахстана, «Вестник АН КазССР», 1949, № 8; его же, Об этнографической экспедиции 1949—1950 гг. по изучению культуры и быта казахского колхозного аула, «Изв. АН КазССР, серия историческая», 1949, вып. 5, стр. 73; его же, Культура и быт казахского колхозного аула, «Вестник АН КазССР», 1950, № 10; его же, Работа по изучению культуры и быта казахского колхозного аула, «Вестник АН КазССР», 1952, № 3; его же, Этнографическая экспедиция в Меркенский район Джамбулской области, «Сов. этнография», 1953, № 3; Н. Н. Чебоксаров, Комплексная антрополого-этнографическая экспедиция в Казахстане, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (КСИЭ), 1949, вып. VI; О. А. Корбе, Е. И. Махова, Декоративное искусство колхозниц Казахстана, КСИЭ, 1950, вып. XI; их же, Экспедиция в Казахстан, КСИЭ, вып. XIV, 1952; О. А. Корбе, Культура и быт казахского колхозного аула, «Сов. этнография», 1950, № 4.

просам этнографии⁹. В них публиковались статьи о быте населения различных районов обширной территории республики, об итогах полевых работ, о вопросах историко-культурных связей казахского и русского народов, ковровом и войлочно-ткацком производстве, кузнечном и ювелирном ремеслах, искусстве резьбы и орнаментики. Была завершена работа по изучению эволюции казахского оседлого жилища.

В республике сложился коллектив квалифицированных этнографов со своими традициями (А. Х. Маргулан, Х. Аргынбаев, В. В. Востров, Р. Ходжаева, Дж. Кармышева, Х. Кауанова, О. Исмагулов и др.).

На базе полевых исследований в Западно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской и Кокчетавской областях были показаны в сравнительно-историческом плане сдвиги в материальной и духовной культуре народа, его быте в результате коренных социальных преобразований и взаимовлияния с культурой и бытом русского населения.

Этнографы Казахстана (В. В. Востров, И. В. Захарова) вместе с другими специалистами подготовили обобщающие статьи «Казахи», «Уйгуры» для фундаментального издания серии «Народы мира», выполненного Институтом этнографии АН СССР.

С конца 1950-х годов этнографы приступили к стационарному изучению всех сторон производственной и бытовой жизни казахского колхозного крестьянства на базе двух колхозов — им. XXII съезда КПСС и «Жегысу» Талды-Курганской области. Они во многих отношениях типичны для Казахской ССР: состав колхозников в них многонациональный, характер производства многоотраслевой (земледелие сочетается со скотоводством, в частности с отгонным). На базе изучения этих колхозов была создана монография «Культура и быт казахского колхозного аула» (Алма-Ата, 1967). В ней подробно освещены, например, такие вопросы, как соотношение и взаимозависимость современной организации орошения и поливного земледелия с традиционными, учет многовекового опыта народа в скотоводстве (выпас скота на сезонных пастбищах, знание травостоя и т. д.) во взаимодействии с современными методами (заготовки кормов, строительством постоянных помещений для скота, механизацией трудоемких процессов в животноводстве, с применением современных достижений ветеринарии и зоотехники). Показаны сохранение и развитие прогрессивных национальных традиций в быту, одежде, ремеслах, семье, в культурных запросах и их соотношении с зарождением и укреплением новых интернациональных черт в материальной и духовной жизни казахских трудящихся.

Актуальнейшая тема развития лучших национальных традиций и обычаев казахской нации и все усиливающейся тенденции к сближению с традициями и обычаями братских народов, в первую очередь русского, нашла свое отражение и в монографии В. В. Вострова и Х. А. Кауановой, посвященной вопросам материальной культуры казахов на современном этапе¹⁰. Новое в этой монографии по сравнению с прежними — гораздо более широкое использование сравнительно-исторического материала по социально-бытовым институтам казахского народа (конец XIX — начало XX в. и современность), привлечение (пожалуй, впервые) данных о культуре и быте национальных кадров советского рабочего класса на примере шахтеров Карагандинского угольного бассейна, более полная характеристика взаимовлияния и взаимообогащения материальной культуры казахского народа с материальной культурой народов Союза ССР.

Значительное место в работах казахстанских этнографов занимает составление типологических таблиц и объяснительных записок по хозяй-

⁹ «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», Алма-Ата, т. III, 1956; т. VI, 1959; т. XII, 1961; т. XVIII, 1963.

¹⁰ В. В. Востров, Х. А. Кауанова, Материальная культура казахского народа на современном этапе, Алма-Ата, 1972.

ству, орудиям труда, одежде, жилищу для «Историко-этнографического Атласа Средней Азии и Казахстана». Собранные данные позволяют показать, с одной стороны, этнические процессы на территории Казахстана, консолидацию казахской нации, особенности ее культуры, а с другой, — общие для казахов и народов Средней Азии элементы материальной и духовной культуры, наглядно сравнить их с близкими по типу элементами культуры всех народов СССР. Составлена карта по отраслям земледелия, системе орошения, пастбищным угодьям и отраслям животноводства. На основе единой методики велось сплошное этнографическое обследование казахов всех районов обширной территории республики, а также изучение литературных и архивных источников.

Некоторые материалы к «Атласу» уже изданы. Так, вышла книга И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой о казахской одежде, в которой наряду с общими, характерными чертами выделены и локальные, региональные различия, а также элементы, воспринятые у других народов или носящие интернациональный характер¹¹.

Несомненный интерес для выяснения этнических процессов представляет исследование В. В. Вострова и М. С. Муканова о родо-племенном составе и расселении казахов¹². В нем на базе полевых записей, данных статистических обследований, отчетов путешественников и ученых XIX в., а также архивной документации была выявлена родо-племенная структура казахов в разные исторические периоды, составлены карты расселения по уездам, распределения пастбищ и кочевых путей казахских родов.

Х. Аргынбаев написал работу о такой традиционной форме казахского хозяйства, как скотоводство¹³. В ней дана всесторонняя научная характеристика специфики этой отрасли хозяйства в Казахстане, показаны ее историческое развитие, методы ведения животноводства в связи с природно-климатическими условиями разных зон республики; методы содержания скота и его селекции; связанные с животноводством народные обычаи, поверья, приемы народной ветеринарии.

В 60-е годы стало интенсивно развиваться антропологическое изучение казахского народа и его предков. О. Исмагулов продолжил начатое еще в 1920-е годы под руководством известных советских антропологов Г. Ф. Дебеца и В. В. Гинзбурга антропологическое исследование казахов. В его монографии¹⁴ подведены итоги антропологической работы в Казахстане за последнее десятилетие; на основе современной методики в сопоставлении палеоантропологических и современных данных о физическом типе казахов и его особенностях убедительно показана преемственная, генетическая связь древних насельников территории Казахстана с казахским народом, установлены основные этапы формирования физического типа казахов, роль пришлых этнических групп, в конечном счете поглощавшихся местной этнической средой. Очень важно, что данные антропологии в основном совпадают с данными исторической лингвистики и источников.

Особое место занимает сейчас изучение истории этнографической науки. Книга Э. А. Масанова выявила вклад демократической школы русской дореволюционной этнографии в изучение культуры и быта казахского народа, деятельность многих видных русских ученых и путешествен-

¹¹ И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Казахская национальная одежда, Алма-Ата, 1964.

¹² В. В. Востров, М. С. Муканов, Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.), Алма-Ата, 1968.

¹³ Х. Аргынбаев, Этнографические очерки по скотоводству казахов, Алма-Ата, 1969 (на каз. яз.).

¹⁴ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, Алма-Ата, 1970.

ников, научную ценность этнографических трудов казахских просветителей Ч. Валиханова и И. Алтынсарина¹⁵.

Существенное значение для развития этнографической науки в Казахстане, да и во всем СССР, имело издание под руководством академика А. Х. Маргулана научного наследия Ч. Валиханова¹⁶. Оно ввело в научный оборот многие ранее неизвестные исследования и этнографические материалы и источники, собранные первым казахским ученым о быте и культуре не только казахов, но и уйгуров, дунган, киргизов, узбеков и других народов Азии.

Казахстан — республика многонациональная. Среди народов, ее населяющих, особое место занимают уйгуры. Их самобытная культура, расцветшая в условиях советского строя, также являлась предметом изучения этнографов, хотя, очевидно, еще недостаточно. Велось изучение материальной культуры, изменений в положении уйгурской женщины, освещалась деятельность русских путешественников и ученых, изучавших уйгуров¹⁷.

Результаты исследований казахских этнографов и антропологов были высоко оценены на VII (Москва, 1964), VIII (Токио, Киото) международных конгрессах антропологических и этнографических наук. Опыт перехода казахского кочевого и полукочевого населения на оседлость изучался на международных семинарах (МОТ, 1966, Москва, Алма-Ата), ФАО ООН (1969, Алма-Ата), других международных симпозиумах и совещаниях, где присутствовали ученые и эксперты, представляющие народы многих развивающихся стран, в которых значительная часть населения еще ведет кочевое скотоводческое хозяйство.

Как видно из изложенного, казахские этнографы во многом добились интересных результатов, однако в науке есть еще много неясных, малоизученных, нерешенных актуальных проблем. Их исследование, несомненно, перспективно как для казахской, так и для всей советской этнографии.

Первостепенное значение приобретает тема диалектической взаимосвязи тенденций расцвета и сближения наций в области материальной и духовной культуры на современном этапе развитого социалистического общества в СССР, а Казахская ССР в этом плане особенно показательна как объект исследования. Ведь многонациональный состав Казахстана сложился исторически еще задолго до революции, а в последние годы, в связи с притоком населения в республику, национальный ее состав стал еще сложнее. Понятно поэтому, что именно здесь изучение процессов взаимодействия и взаимообогащения культур, вопросов демографии и расселения, подвижности населения и смешанных браков, интернационализации производственного и семейного быта, двуязычия даст особенно интересные результаты.

В задачи этнографов Казахстана входит также продолжение исследования проблемы происхождения и этнической истории казахского народа, процессов формирования и становления его ярких и своеобразных культурно-бытовых традиций. Постепенное сближение наций и народностей нашей страны происходит в условиях развития их национальных

¹⁵ Э. А. Масанов, Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР, Алма-Ата, 1966.

¹⁶ Ч. Ч. Валиханов, Собр. соч., т. I, Алма-Ата, 1961; т. II, 1962; т. III, 1964; т. IV, 1968; т. V, 1972.

¹⁷ И. В. Захарова, Материальная культура уйгуров Советского Союза, «Среднеазиатский этнографический сборник, II», «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», М., 1959; Р. Д. Ходжаева, Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины Казахстана, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии», т. 3, Алма-Ата, 1956; Г. М. Исхаков, Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками (вторая половина XIX в.— Ч. Ч. Валиханов, Н. М. Пржевальский, Г. Е. Грумм-Гржимайло, М. В. Певцов. В. И. Роборовский), автореф. канд. дис., Алма-Ата, 1970.

культурных ценностей, в братском единении республик СССР «...с необычайной полнотой раскрылись созидательная энергия, творческие способности, таланты всех наций и народностей Советского государства»¹⁸.

Необходимо шире развивать в Казахстане этносоциологические исследования с точными количественными оценками этнокультурных и бытовых явлений, традиций и обычаев, процессов внутринациональной и межнациональной консолидации в составе новой исторической общности людей — советском народе. Итоги этносоциологических работ в Татарской АССР, экспериментов в Молдавии и Белоруссии явно свидетельствуют о продуктивности такого рода исследований.

Бесспорно, продуктивными будут исследования взаимосвязи этнических и социальных процессов не только среди колхозного крестьянства, но и среди рабочего класса. Здесь, в частности, нужно учесть то обстоятельство, что в сельском хозяйстве Казахстана ныне абсолютно и относительно преобладает совхозное производство и соответственно существует большой отряд сельскохозяйственных рабочих.

Заслуживают внимания вопросы прогрессивных народных традиций, обрядов, не просто сохранившихся, но и возродившихся на новой основе. Большой интерес представляет исследование многокрасочного казахского декоративно-прикладного искусства, различных ремесел (чеканка по металлу, резьба по кости и дереву, художественная вышивка, ковроткачество, выделка орнаментированных кошм). Они имеют научное и практическое значение для развития современного декоративно-прикладного искусства.

В первые годы после революции, как уже отмечалось, этнографы занимались сбором и публикацией образцов казахского фольклора и музыки. Затем в ходе дифференциации знаний выделились самостоятельные школы казахской фольклористики и искусствоведения. Вряд ли целесообразен в этом плане возврат к прошлому, но, вероятно, было бы полезным участие этнографов в изучении образцов народного творчества. Следует расширить работы в области религиоведения, в изучении древних верований.

Ждут своего развития исследования о культуре и быте русских, украинцев, уйгуров, дунган, корейцев. Большой размах на уровне современной методики должны получить антропологические исследования.

Разумеется, отмеченные выше проблемы далеко не исчерпывают ни задач, ни перспектив этнографической науки в Казахстане. Несомненно, однако, что значимость, роль этнографической науки будет все возрастать. Пятидесятилетие Союза Советских Социалистических Республик — важная историческая веха в развитии этнографической науки Казахстана, равноправной, суверенной и вместе с тем неотъемлемой части СССР. Эта дата послужит мощным стимулом для подъема этнографии в Казахстане на новую, более высокую ступень.

THE ETHNOGRAPHIC STUDY OF THE KAZAKH PEOPLE (IN CONNECTION WITH THE 50TH ANNIVERSARY OF THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS)

The article deals with the main problems pertaining to the rise and development of the science of ethnography in the Kazakh Soviet Socialist Republic, with research into the culture and everyday life of the Kazakh people in the Soviet period. Kazakh ethnography is shown as an integral part of Soviet ethnographic science as a whole. The problem of the rapprochement and mutual enrichment between the material and intellectual culture of the Kazakhs and that of the Russians, Ukrainians and other Soviet peoples is posed.

¹⁸ «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС», «Коммунист», 1972, № 3.